

НАЦЫЯНАЛЬНАЯ АКАДЭМІЯ НАВУК БЕЛАРУСІ
Дзяржаўная навуковая ўстанова
«ЦЭНТР ДАСЛЕДАВАННЯЎ БЕЛАРУСКАЙ КУЛЬТУРЫ,
МОВЫ І ЛІТАРАТУРЫ НАН БЕЛАРУСІ»

Філіял «ІНСТЫТУТ МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА,
ЭТНАГРАФІІ І ФАЛЬКЛОРУ ІМЯ КАНДРАТА КРАПІВЫ»

ЗБОРНІК ДАКЛАДАЎ І ТЭЗІСАЎ
VII МІЖНАРОДНАЙ НАВУКОВА-
ПРАКТЫЧНАЙ КАНФЕРЭНЦЫІ
«ТРАДЫЦЫІ І СУЧАСНЫ СТАН
КУЛЬТУРЫ І МАСТАЦТВАЎ»
(Мінск, Беларусь, 24–25 лістапада 2016 года)

Выданне ў двух тамах
Том 1

Мінск
«Права і эканоміка»
2017

развитию креативности учащегося во время прохождения производственной педагогической практики, а также в дальнейшей профессиональной деятельности. Стоит отметить, что применение методик актуально в различных условиях – от классно-урочных до системы дополнительного образования и на различных возрастных уровнях – от начальной школы до профессионального образования взрослых.

Довгань А.В.
(Украина, г. Киев)

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ СМЫСЛА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

Вопрос смысла, как нам кажется, представляется одной из наиболее сложных проблем, когда-либо стоявших перед человечеством в целом и перед наукой – в частности. В первую очередь, это связано с его междисциплинарной природой, что, естественно, создает сложности в постижении последнего на уровне эмпирического воплощения, то есть непосредственно во время самого исследования. При этом, крайне важно, на наш взгляд, то, что сама природа смысла, не смотря на обширные массивы исследований в разных науках, так и не нашла единого толкования у череды величайших умов планеты. А значит – очень часто можно наблюдать лишь попытку осмысления (простите за тавтологию), преломления этого феномена в призме отдельной науки и, очень редко, – в контексте нескольких.

Понятно, что вышеупомянутая ситуация приводит к фрагментированности, автономности и прочему исследований отдельных отраслей науки в этой сфере. Как следствие – исследования проблемы пестрит лакунами (пробелами), являющимися следствием недостаточной кооперированности, слаженности научных «действий». Приведем пример: *сверточные нейронные сети* – продукт новой эпохи, прорыв в области обработки данных, широко применяемые международными корпорациями: такими известными брендами как Google, Prisma, Vinci и другими [3], фактически, предпоследняя ступень, за которой лежит создание искусственного интеллекта. Однако для представителей гуманитарной сферы (философов, литературоведов, лингвистов, культурологов, искусствоведов и прочих) это тайна за семью печатями, то есть они, если и слышали это понятие, то вряд ли каким-то образом связывают его с исследованиями смысла, которыми озабочены их умы. И это при том, что само существование нейронных сетей, проблема их обучения, особенностей функционирования и тому подобного является не чем иным, как прямой и «жирной» отсылкой к проблеме смысла. Так, понимание смысла, фактически, представляется нам ключом к проблеме искусственного интеллекта, поскольку вопрос не в том, на каких ресурсах создавать упомянутую Сеть, а в том, чему ее обучать, в какой последовательности и прочее. При этом, естественно, машине невозможно передать непосредственное ощущение жизни, внутренние чувства художника-созерцателя-воссоздателя (ритм, движение, метафоры) – все то, в результате чего его работы воплощаются образами, наделенными свойствами (баланс цвета/света, композиционные соединения и созвучие с Духом времени) [8]. То есть *визуализацию смысла*, воспринимаемую индивидуумами «по умолчанию» невозможно реконструировать, внедрив в электрические схемы. Однако же возможно создать алгоритм обучения, позволив Сети самой эволюционировать в этом направлении, постигая смысл в качестве базиса человеческой культуры ступень за ступенью.

С этой точки зрения, по мнению автора, язык в его идеальном воплощении, так же как и культуру, можно представить в качестве особого рода *визуализации смысла* (частично мы упоминали об этом выше). Так, показательно, что на современном этапе развития культуры, в отличие от предыдущих периодов, доминирует визуальное, это общепризнанный факт [10]. На наш взгляд, это связано с тем, что язык сам по себе явление идеальное, а то, что мы привыкли под ним подразумевать – его графическое воплощение, то есть *визуализация языка*, происходящая посредством определенных культурных символов – *букв*. В таком контексте культуру сле-

дует рассматривать как продукт сосредоточения смыслов, упорядочивающихся в определенные структуры социальной жизни индивидуумов, стратифицируемые согласно принятых канонов социальности.

Поскольку анализируемая проблема имеет междисциплинарное значение и характер, то мы считаем стержневыми работы следующих ученых, для удобства сгруппированных нами по интересующим нас, в контексте этого исследования, направлениям, в частности: Д. Бьюдженталь [1] (социология смысла); А. Леонтьев [4], Т. Олейник [5] и др. (психология смысла); Г. Крейдлин [2], Н. Уфимцева [7], А. Яковлева [10] и др. (психология языка); В. Лемпицкий [3], Б. Орехов [6] и др. (компьютерная лингвистика); А. Ханов [8], А. Шмелев [9] (культурология смысла) и другие.

Формулирование целей статьи (постановка задания). *Целью* статьи является рассмотрение особенностей места и роли визуализации смысла в контексте культуры. *Предметом* – специфика визуализации и природа этого феномена.

Изложение основного материала. Л. Тейлор в книге «Ступени человеческой жизни» пишет, что чувство прикосновения – наиболее значительное в нашем теле. Оно дает нам знание о глубине или толщине предмета, его форме. Мы чувствуем, любим и ненавидим, прикасаясь к другим и ощущая прикосновения других [2, с. 410]. Иными словами, *прикосновение*, в контексте вышеупомянутого, можно рассматривать в качестве *обратного процесса визуализации*. То есть его следует рассматривать как некое *материальное воплощение вещи*, позволяющее нам ее идентифицировать посредством физического контакта. В то время как визуализация смысла, в нашем понимании, имеет сродную природу, поскольку ее результатом является «физическая» (ментальная) *осязаемость* некоего смысла, представленного материальной структурой в сознании индивидуума. Таким образом, в случае визуализации имеет место стремление человеческой психики к *воплощению смысла*, опредмечивании его с целью ментального «прикосновения», что должно претворить идеальное в неидеальном (смысл чего-либо в чем-то).

У Л. Выготского есть тезис, согласно которому речь является коррелятом сознания, а не мышления. Эта идея получает свое продолжение только в том случае, если выше было обозначено сознание как *смысловое образование* [4, с. 325]. Таким образом, следуя за ученым, следует упомянуть идею *языковой картины мира*, согласующейся с вышеобозначенным тезисом. Однако же при этом необходимо учитывать такую особенность психики живого как *ориентированность на конкретное*, в противовес абстрактному: так, психиатрам и психоаналитикам давно известна такая особенность человеческого мозга как болезненное восприятие абстрактного (как вследствие такой практики возникает тревожность и прочее, поскольку человек начинает оперировать не визуализированными фрагментами смысловых звеньев, а неопредмеченными). Фактически, это подводит нас к извечному вопросу формы и содержания: формой, в данном случае, выступает язык в общем и речь – в частности, а содержанием – смысл, положенный в основу.

В этой связи принципиально важно, что, с самого начала, ребенок, взаимодействуя с миром вещей, через овладение действиями с разнообразными предметами, усваивает общественные значения (то есть смыслы), положенные в них, сформировав тем самым собственную психику [7, с. 100]. Таким образом, можно говорить о том, что смыслораспознавание и опредмечивание (в данном контексте можно рассматривать как визуализацию, хотя эти понятия не тождественны между собой) смысла идут «рука об руку», вызывая естественное осознание того или иного смысла через «прикосновение» к предмету, обозначаемому им.

Именно в последнем очень часто скрывается основная проблема такого процесса: поскольку человеческая психика, не смотря на кажущуюся типичность, весьма *вариативна*, вследствие последнего мы получаем *разрыв* между названием, то есть именем, и смыслом, поскольку он представляется более *многослойным* в сложившихся обстоятельствах. В этом контексте поименованное представляется не просто продуктом культуры, ее репрезентантом, но ею самою, потому как названия (имена) создаются в контексте последней, согласно функционирующих внутри нее канонов и так далее.

Осязание как инструмент познания во все полноте свойственен исключительно человеку; недаром английское выражение *human touch*, помимо буквального – «человеческое прикосновение», означает также «человеческое измерение» [2, с. 410] «меру». Упомянутое «измерение» неразрывно связано с *субъективностью* человеческой особи, последнее провоцирует появление такого феномена как *сложные (смысловые) объекты* (термин М. Новиковой-Грунд), для которых характерна *корреляция* (необходимость соотнесения) *смысла*. Так, для того, чтобы актуализировать такие объекты, необходимо *декодировать их смысл*, с помощью сопоставления (тут полезными будут нейронные сверточные сети, о которых мы упоминали ранее).

Таким образом, смысл представляется положенным содержанием, которое визуализируется вследствие особой природы человеческой психики. При этом визуализация – это всегда *дисперсия* (мера отклонения) смыслов, смысловых сетей; последнее связано с тем, что форма, то есть материальная, физическая представленность смысла в окружающем мире (сознании индивидуума) неизбежно искривляет его первичную природу через особенности взаимодействия человеческих существ – социальную стратификацию и, как следствие, следует говорить о его вариативности.

В этом контексте визуализация смысла выступает не просто процессом его *опредмечивания*, как это происходит в сознании ребенка, но, прежде всего, *культурным феноменом*. Отметим, что обозначенный феномен не является частным явлением, нося характер парадигмы, что позволяет говорить о нем в качестве едва ли не основного компонента культуры, то есть неотъемлемой части последней.

Перспективой этого исследования является комплексное изучение проблемы смысла на междисциплинарном уровне с экстраполяцией в культурологию, что позволит более глубоко подойти к решению обозначенной проблемы, продуцируя совершенно новый подход в изучении ее основных вопросов; диаметрально модифицировать научную методологию этой науки и тому подобное.

Литература

1. Бьюдженталь, Д. Наука быть живым : Диалоги между терапевтом и пациентами в гуманистической терапии / Д. Бьюдженталь. – М. : Независимая фирма «Класс», 1998. – 336 с.
2. Крейдлин, Г. Е. Невербальная семиотика : Язык тела и естественный язык / Г. Е. Крейдлин. – М. : Новое литературное обозрение, 2002. – 592 с.
3. Лемпицкий, В. Сверточные нейросети [Электронный ресурс] / В. Лемпицкий // ПостНаука. – Режим доступа: <https://postnauka.ru/video/66872>. – Название с экрана.
4. Леонтьев, А. А. Деятельный ум (Деятельность, Знак, Личность) / А. А. Леонтьев. – М. : Смысл, 2001. – 392 с.
5. Олейник, Т. 8 самых увлекательных душевных расстройств в истории психиатрии [Электронный ресурс] / Т. Олейник // ПолонСил: жить в полную силу. – Режим доступа: <http://polonsil.ru/blog/43011952096/8-samyih-uvlekatelnyih-dushevnyih-rasstroystv-v-istorii-psihiatr>.
6. Орехов, Б. Компьютерная лингвистика [Электронный ресурс] / Б. Орехов // ПостНаука. – Режим доступа: <https://postnauka.ru/video/66255>.
7. Уфимцева, Н. В. Языковое сознание: динамика и вариативность / Н. В. Уфимцева. – М. : Ин-т языкознания РАН, 2011. – 252 с.
8. Ханов, А. Искусство и визуальная культура – противоположны [Электронный ресурс] / А. Ханов // Syg.ma. – Режим доступа: <http://syg.ma/@andrei-khanov/iskusstvo-i-vizualnaia-kultura-protivopozhny>.
9. Шмелев, А. Языковой анализ как средство понимания культуры [Электронный ресурс] / А. Шмелев // ПостНаука. – Режим доступа: <https://postnauka.ru/lectures/27647>.
10. Яковлева, А. М. Клиповое мышление: текст как изображение-симулякр [Электронный ресурс] / А. М. Яковлева // РОСИНФОРМКУЛЬТУРА: Российская система научно-информационного обеспечения культурной деятельности. – Режим доступа: http://infoculture.rsl.ru/NIKLib/althome/news/KVM_archive/articles/2014/02/2014-02_r_kvms7.pdf.